

Новогодняя
комедия

Марина Порошина

ПОЧТИ
КАРНАВАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

Марина Витальевна Порошина

Почти карнавальная история

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440525

Почти карнавальная история: эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-45748-9

Аннотация

Накануне Нового года Ирина осознала, что жизнь, как это ни прискорбно, не удалась. Сорокалетняя женщина, брошенная мужем, – нет ничего более банального, печального и безысходного.

А тут еще в местной газетке некто, пожелавший остаться неизвестным, дал объявление, что она хотела бы познакомиться с малообеспеченным мужчиной, потому что не в деньгах счастье.

Тот, кто хотел ей насолить, и представить не мог, что сделает ее счастливой – всего за одну новогоднюю ночь.

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Марина Порошина

Почти карнавальная история

*Была бы я шикарней женщиной —
все обошлось бы малой болью,
хватило ярости и желчи бы
вас беспощадно отфутболить.
Но женщина во мне обычная...*

Римма Казакова

Часть первая

Дело об убитой мыши

«Протянуть руку, взять со стола пепельницу в виде кленового листа — тяжелую, чугунную, каслинского литья — и заехать этому мерзавцу между глаз! И все — никакого дела, никаких проблем, а сколько людей будут мне по гроб жизни благодарны!»

Валентин Рудольфович помотал головой, прогоняя соблазнительную картину, нарисованную услужливым воображением. И даже на всякий случай отодвинулся подальше от края стола в спасительную глубь деревянного кресла с рез-

ными подлокотниками и высокой спинкой, на которой красовался золотой двуглавый орел. Интересно, какой это умник придумал – ставить пепельницу на его стол, когда курить в зале судебных заседаний категорически запрещено? Надо будет сказать, чтоб убрали, а то неровен час... Говорят ведь, если в первом акте висит ружье, то непременно должно стрельнуть под занавес.

Валентин Рудольфович, разочарованно вздохнув, открыл лежавшую перед ним папку, поверх очков оглядел зал, досадливо сморщился: на последней скамейке сидело с десятков хорошеньких девочек и творчески-лохматых мальчиков с блокнотами на изготовку, а в проходе, спотыкаясь о свои провода и треножки, переминались с ноги на ногу телеоператоры в жилетах с оттопыренными карманами. Он нарочно тянул с началом заседания. Часы на стене показывали уже семнадцать пятнадцать, а Валентин Рудольфович знал, что журналисты долго сидеть не будут: максимум через полчаса разбегутся готовить свои сюжеты к вечерним выпускам новостей. Но поможет это ему, как рыбе зонтик. И сегодня же весь город все равно узнает, в каком всесторонне идиотском положении судья Федерального суда Свердловского района города Екатеринбурга В.Р. Литвиненко оказался по милости, как пишут те же журналисты, «известного уральского правозащитника» господина Буликова, который сидит прямо перед ним, хлопает круглыми сонными глазами и не подозревает, какой печальной участи он только что счастли-

во избежал...

– Валентин Рудольфович, – нарушая неприлично затянувшееся молчание, прошептала секретарь Эля, – вы не заболели? Что-то не так?

«Нет, все супер, лучше просто не бывает!» – со злостью, которую никак не мог унять, подумал Валентин Рудольфович, углом папки подпихнул чертову пепельницу, так что та уехала влево по длинному полированному столу (Эля проследила глазами), в последний раз тяжело вздохнул и начал монотонно читать:

– Слушается дело номер 2-346/06 по иску гражданки Черемисиной Нины Петровны к гражданину Буликову Владимиру Андреевичу о возмещении морального вреда. В зал заседания явились истица, ответчик, свидетели. Свидетелей прошу удалиться из зала, ждите в коридоре, вас вызовут...

Толстая тетка в спортивном костюме с прилипшими к нему перьями от пуховика, ворча себе под нос, выбралась из зала и громко хлопнула дверью – ей очень не хотелось пропускать начало спектакля. От такой нескрываемой досады Валентину Рудольфовичу несколько даже полегчало. Еще поглядим, чья возьмет, он им покажет, как из него, солидного человека, клоуна делать!

– Истица, назовите фамилию, имя, отчество, место жительства.

Бабушка в пуховом платке и подшитых валенках испуганно вскочила со скамьи, одной рукой придерживая стояв-

шую за спиной кошелку – чтоб не сперли, суд, конечно, не трамвай, а мало ли... Поэтому бабка стояла боком и, полусогнувшись, смотрела на Валентина Рудольфовича снизу вверх. Глаза у нее были непонимающие и испуганные.

«Господи, сколько они дали несчастной бабке, чтобы втравить ее в это дело?» – с сожалением подумал Валентин Рудольфович, но вслух повторил сердито и громко:

– Истица, назовите фамилию, имя, отчество, место жительства!

Насмерть перепуганная бабушка не проронила ни слова. Сидевшая рядом эффектная блондинка аккуратно, но настойчиво отодрала старуху от кошелки, ободряюще похлопала по спине и что-то прошептала. Валентин Рудольфович изо всех сил старался смотреть в другую сторону. На блондинке был деловой костюм не то темно-серого, не то черного цвета, а вот блузки под пиджаком почему-то не было, черт знает, что за мода такая. И блондинкина грудь приятного третьего размера так соблазнительно гнездилась в вырезе и так, кажется, было ей неуютно в тисках из грубого сукна или из чего они там теперь шьют костюмы, что у любого смотрящего сами собой пробуждались рыцарские чувства... В общем, посмотреть очень хотелось, но Валентин Рудольфович сделал над собой усилие и не посмотрел, но добавил звука:

– Истица?!

Бабушка судорожно вздохнула, поплотнее натянула на голову платок и наконец неуверенно сообщила:

– Черемисина... Нина Петровна. 1935 года рождения, родилась в Каслях, живу по улице Фурманова, 32, квартира 17...

– Ответчик, назовите фамилию, имя, отчество, место жительства! – не пожалел металла в голосе судья, раз уж не овладел искусством испепелять взглядом.

Но ответчику, то бишь гражданину Буликову Владимиру Андреевичу, на его взгляды было плюнуть и растереть. Холёный увалень в идеально сидящем костюме (Валентин Рудольфович снял невидимую пушинку со своей мантии и, украдкой поерзав, расправил складки, на которых сидел) лениво приподнялся со скамейки и вполне равнодушно подтвердил, что он тот самый Буликов и есть и что живет он на улице Фурманова, 32, квартира...

– Есть ли ходатайства? – хамски не дослушав, спросил судья Литвиненко.

Блондинка опять выпихнула вперед бабушку, которая с запинкой изложила:

– Прошу допустить к делу моего представителя – адвоката Мамаю... Мамай... ну вот, Маргариту Сергеевну.

Блондинка, она же Маргарита Сергеевна Мамай, улыбнулась Валентину Рудольфовичу улыбкой, которую при других обстоятельствах он считал бы лучезарной (теперь же у него зубы свело, как будто судья полюбовался на только что порезанный лимон с выступившими на дольках каплями сока).

– Суд, посоветовавшись на месте, постановил: ходатайство

удовлетворить... – буркнул он стандартную и вполне абсурдную (с кем ему совещаться-то?) фразу. – Истица, изложите свои требования.

Подпихнутая представителем, бабушка вскочила и с видимым облегчением выдала заготовленную фразу:

– А можно, скажет мой... ну, это, представитель?

– Нет! – с тихой радостью отказал судья Литвиненко. И зловредно пояснил: – Когда суду понадобится, он заслушает вашего представителя, а пока, будьте добры, отвечайте на вопросы суда – изложите свои исковые требования.

Маргарита Сергеевна посмотрела на судью Литвиненко укоризненно. Она видела, что он просто вредничает и тянет время. Как ребенок, честное слово, ведь все всё понимают, зачем же усложнять? Но судья требовательно смотрел на несчастную бабушку, которая, нацепив на нос очки, принялась по складам читать переданную ей Маргаритой Сергеевной бумажку. Журналисты затосковали: они бы предпочли блондинку, бабушка явно была подсадной уткой и излагала «дело века» без должного вдохновения.

Суть дела же была в том, что ответчик Буликов однажды зимним вечером по-соседски зашел к истице на огонек, потом, не сойдясь с бабушкой во взглядах, затеял шумную ссору, заодно наорал и на белую домашнюю мышь, в которой бабушка души не чаяла. После ухода скандалиста бабушка выпила валерьянки и оклемалась, а мышь стресса не пережила и сдохла. В связи с чем Черемисина Нина Петровна,

1935 года рождения, просит взыскать с гражданина Буликова Владимира Андреевича стоимость погибшей мыши и моральный ущерб в размере десяти тысяч рублей.

Затем слово все же пришлось предоставить Маргарите Сергеевне. Та принялась в красках рассказывать о неимоверных страданиях своей подопечной и ее покойной мыши, скончавшейся в страшных мучениях. Журналисты кисли от смеха и роняли блокноты. Валентин Рудольфович «держал лицо»: краем глаза он видел, что его снимают крупным планом. Это была воистину хорошая мина при плохой игре, потому что дело номер 2-346/06 отчетливо пахло керосином. Во-первых, супруги госпожа Мамай и господин Буликов уже восемь лет возглавляли созданную ими общественную организацию «Правое дело», и краснобаи-журналисты прозвали их правовыми хакерами, которые вламываются в судебные механизмы. Рутинная работа десятков «праводелов» по всему Уралу заключалась в поддержке сотен исков разных граждан по самым разным поводам, что привлекло под их знамена и здоровых правдоискателей, и больных на голову сутяг. «Праводелы» получали множество заграничных грантов и безбедно жили на эти деньги. Заботливые заграничные спонсоры уверяли, что таким образом пекутся о соблюдении прав человека. Черт знает, может, отчасти оно так и было, но суды стонали под валом абсурдных дел.

Во-вторых, после прославившей сутяжников на общественных началах акции «Общественные туалеты» судьи бо-

ялись их как огня. Когда все упомянутые заведения в городе были закрыты, «праводелы» выставили на площади пикет и собрали сотни исковых заявлений к мэрии. Все они были грамотно поданы в суд, где началась паника, потому что там туалета для общего пользования, как на грех, тоже не было, а служебный сотрудники запирали на ключ. Ни одно из этих заявлений суд так и не рассмотрел, но туалеты немедленно вернулись в быт. Вдохновленные «праводелы» попытались взыскать моральный вред с вокзала в Тюмени, где бесплатного туалета не было и граждане испытывали невероятные моральные страдания, экономя кровные денежки и справляя нужду в укромных уголках, – и выиграли по первой инстанции. Все судьи знали, что решение, принятое в пользу «праводелов», стоило судье должности и было немедленно отменено президиумом областного суда (хорошо, не Верховного). Правда, после этого на новом тюменском вокзале бесплатный туалет выложили чуть ли не мрамором – но это обстоятельство слабо утешало служителей Фемиды. К тому же вскоре из высших сфер было спущено негласное указание: «праводелы» не должны выигрывать иски.

Но когда приятель Валентина Рудольфовича, судья Малышевского суда, принял вполне законное решение удовлетворить иск мэрии к «праводелам», хрен вышел ничуть не слаще редьки: проигравшие иск «праводелы» пошли в банк, наменяли полтонны копеечных монет, наняли грузовик, лопатами сгрузили содержимое у входа в мэрию и заставили

принять по акту. После чего «сверху» поступило еще одно негласное указание: проигрывать «праводелы» тоже не должны. Таким образом, пепельница была бы наилучшим выходом из положения, который вполне удовлетворил бы вышестоящее начальство – не для того ли ее тут и поставили?..

Представитель истицы наконец закончила свое душещипательное выступление, и журналисты потянулись к выходу. Уже лучше.

– У ответчика есть вопросы к истице? – Валентин Рудольфович посмотрел на красавца Буликова и удивился. Кажется, тот спал, во всяком случае, глаза у него были закрыты, а морда – расслабленная и довольная.

Супруга, сидевшая между ним и бабушкой, что-то сердито сказала, наклонившись к нему.

– Я прошу сделать запрос в ветеринарную клинику в соответствии со статьей 57 ГПК, обращалась ли до этого случая истица, то есть мышь, по поводу заболеваний сердечно-сосудистой системы, – очнувшись от дремы, вяло пробормотал ответчик.

Жена удовлетворенно кивнула и перевела глаза на Литвиненко: что, голубчик, примешь подачу? Журналисты, затормозив в дверях, образовали пробку. Литвиненко затосковал: отказать нельзя – решение отменят, дело вернут на новое рассмотрение. А удовлетворить – смех на весь город, рассмотрение затянется, и видеть все эти рожи еще раз...

– Мнение сторон по заявленному ходатайству?

– У нас есть такой документ! – энергично произнесла Маргарита Сергеевна, и судья посмотрел на нее с подозрением – что это они еще придумали?

– Ответчик, вы знакомы с этим документом?

– Знаком, – покивал Буликов. – Но я требую направить запрос не в одну-единственную, а во все ветклиники города.

Валентин Рудольфович отчетливо увидел, как перед глазами заплескали разноцветные шары. По какому праву они над ним издеваются?! Боясь не сдержаться, он выбрался из кресла и пошел открывать окно – от проклятой духоты можно упасть в обморок. Форточка была высоко, обычно ее открывали, забравшись на стул, но развлекать собравшихся цирковыми номерами не входило в планы Литвиненко. Поэтому Валентин Рудольфович взял стоявший за спинкой его кресла флаг, древком аккуратно поддел форточку, водрузил флаг на место и уселся сам. Выражение неподдельного восторга, которое он вдруг разглядел на лице госпожи Мамай, его насторожило – и неспроста.

– Уважаемый суд, у меня есть заявление! – закричала она, вскочив с места. – Прошу занести его в протокол! Только что, на наших глазах, судья Литвиненко символом нашего государства, флагом Российской Федерации, открыл форточку! Тем самым он унизил государственную символику. Такой судья не может объективно рассматривать любое дело, в том числе и наше, и я заявляю ему отвод!

Она окинула собравшихся торжествующим взором. В ее глазах изумленный Литвиненко увидел настоящее вдохновение. И не в силах больше этого вынести, объявил, что «суд удаляется в совещательную комнату». В совещательной комнате «суд» в гордом одиночестве пил холодный, оставшийся после обеденного перерыва чай, смотрел в окно, за которым падал крупный, нереально красивый снег, и думал вовсе не об отводе – сейчас, как же, разбежался! – а о том, что сегодня двадцать восьмое декабря, что завтра у жены Ирины день рождения и придут гости. Значит, с утра придется ехать за вином, салатами и всяким-прочим. А тридцатого они с женой уедут в Египет (это его подарок) и вернутся только восьмого января. Стало быть, у него остается только один день, чтобы не выглядеть совсем уж свиньей... Надо заканчивать эту канитель и ехать быстрее, неудобно опять являться домой за полночь. А он тут сидит, хотя рабочий день давно кончился. Просто устал за последние недели. И как некстати эти идиоты со своей дохлой мышью – дел у них не хватает, что ли, для отчета перед благодетелями по итогам года, что всякую чушь собирают?!

Из совещательной комнаты судья вышел злой, невнятной скороговоркой сообщил, что, «рассмотрев в судебном заседании заявление истицы об отводе председательствующего, суд считает, что основания для удовлетворения отвода нет». Потом пообещал, что судебные запросы о предполагаемом амбулаторном лечении покойной мыши будут направлены во

все ветклиники города, а до тех пор судебное заседание откладывается. И ни на кого не глядя, вышел из зала, едва удержавшись, чтобы не хлопнуть дверью.

На парковке для машин работников суда сиротливо стояла одна-единственная машина – его синий «Фиат Брава» с пушистой снежной шапкой на крыше. Раскопки и прогревание мотора заняли немало времени, поэтому Валентин Рудольфович немало удивился, когда, выруливая с расположенной во дворе парковки на улицу, обнаружил, что эффектная блондинка Маргарита Сергеевна Мамай все еще не уехала и, кажется, дожидается его, красиво, как в кино, присев на капот своего алого двухместного «Мерседеса» (с мужской точки зрения, издевательство сплошное над здравым смыслом, а не машина). «До чего хорошо стали жить сутяги! – подивился Валентин Рудольфович (еще летом Маргарита ездила на «Хонде»). – Не холодно ей, что ли: вон и шубка коротенькая, и без шапки – волосы по плечам. Куда, интересно, подевался ее драгоценный супруг? А хороша, черт возьми, она всегда мне нравилась, и с годами стала еще красивее, сексуальнее, что ли», – не к месту подумал Валентин Рудольфович, притормаживая рядом. Поэтому и спросил сердито, совершенно невежливо:

– Какого черта?

– Ну, Валя... – Маргарита Сергеевна смотрела виновато, и ее взгляд почти лишал его возможности сопротивляться.

Но Литвиненко собрал волю в кулак, вспомнил, в какую историю втравила его накануне Нового года эта красотка, и сумел обрести необходимую для хорошей ссоры злость.

– Что – Валя? – склочно передразнил он ее интонацию, но вышло, к его досаде, непохоже. – Ты что, думала, я по старой дружбе буду счастлив поработать клоуном в вашей дерьмовой постановке? Да?

– Валя, я же не знала, что тебе дело распишут. Его вообще взять не должны были – сумма иска маленькая, значит, не ваша подсудность, а мировых. Но твоя помощница на приеме ошиблась. А нам повезло. Не сердись, а? Это просто работа.

– Вам повезло?! – От возмущения Литвиненко выскочил из машины, хотя еще секунду назад собирался быстренько отвести душу, наговорив гадостей, и ехать по своим делам. – Потому что за шкуру федерального судьи ваши благодетели дают вам больше долларов, чем за шкурку мирового?! Хорошенькая у вас с супругом работа! Вы грантов нагребете, «Мерседесов» вон купите, а мне с вашим дерьмом разбираться? Уже совсем с катушек съехали – мышь у них сдохла! Постыдились бы!

– Валя, ты же понимаешь, что не в мыши дело, – терпеливо вздохнула Маргарита Сергеевна. Ей явно хотелось помириться.

– Ах, оказывается, не в мыши?! Ну в чем, в чем, давай, объясни мне, идиоту! – Ему даже самому понравилось, как

саркастически это прозвучало, ведь понятно же, что он не идиот и в разъяснениях не нуждается. – Права человека вы защищаете, да? Прецедент создаете? Вы этой бабке мышь купили в зоомагазине за три дня до ссоры, а может, и вовсе никакой мыши не было, а теперь выделяетесь тут, мешаєте работать! Если вы всю работу суда парализуете, вам еще больше денежек пришлют, так ведь? Вы же пятая колонна!

– Ты правда считаешь, что мы отвлекаем вас от решения важных государственных задач? – совершенно серьезно переспросила Маргарита. – Ты пойми, пожалуйста, человек – любой, даже самый маленький и незаметный – имеет право отстаивать свои права, в том числе и в суде. По любому поводу. И даже спорить с государством, потому что он это государство содержит на свои деньги. И суд, кстати, тоже. Вот мы и стараемся напоминать вам, судьям, что вы не всегда должны считать себя инструментом того государства, которое мы имеем право победить в суде. У нас раздел такой есть на сайте – «Большие победы маленьких людей». Мы и про это дело расскажем. Не читал?

Онемев от такой наглости, «инструмент государства» Валентин Литвиненко несколько секунд беззвучно хватал ртом холодный воздух. Маргарита Сергеевна смотрела на него с внимательным сочувствием, как будто надеясь, что вот он сейчас продышится и вполне проникнется ее аргументами. Рукой, затянутой в тонкую светлую, в тон шубке, перчатку, она отвела от лица прядь волос, отряхнув снежинки, и

вопросительно улыбнулась. Порция свежего воздуха пошла Валентину Рудольфовичу на пользу, и он решил не продолжать дискуссию с этой наглой бабой, которая смеет устраивать ему тут политинформацию. Она думает, что если у нее «мерс», счет в заграничном банке, роскошная шубка и волосы по плечам, и декольте... Нет, стоп, это из другой оперы. Ему нет никакого дела до ее декольте, раз уж у нее нет никакого понятия о деловой одежде.

– Ты вот что, – старательно разыгрывая равнодушие, произнес Литвиненко, заранее предвкушавший эффект, который произведут его слова. – Ты же меня не для этого тут дожидалась, чтоб про государство тут объяснять, правда? Ты про Иринин день рождения хотела?

– Ну конечно, – опять улыбнулась Маргарита, но уже не вопросительно, а с облегчением (как это женщины умеют так улыбаться, с разными выражениями?). – Я же завтра собиралась...

– Так вот, насчет завтра. Чтобы ноги твоей больше не было в нашем доме, поняла? Я много лет терпел вашу более чем сомнительную дружбу – но сегодня мое терпение лопнуло! Знаешь, я твоему, прости господи, супругу чуть пепельницей в лоб не заехал, едва удержался. Мне бы общественность спасибо сказала. Привет дохлой мыши!

И, страшно довольный собой, он уселся в «Фиат», легко прихлопнул дверцу и мягко тронулся с места, оставив Маргариту поддерживать сползающую с лица улыбку. Впро-

чем, может и не поддерживать. Притормозив у светофора, Литвиненко обернулся и даже немного расстроился: вопреки его ожиданиям, госпожа Мамай не осталась стоять, как громом пораженная его убийственно-справедливым вердиктом, а спокойно уселась в свою машину и отправилась следом за ним, поскольку на улице Бажова движение было односторонним. От светофора она ушла вперед, несмотря на все предпринятые им усилия – как ни крути, навороченный «Мерседес» приемистее простенького «Фиата». Досадно, конечно. Но последнее слово все равно осталось за ним.

Если бы Валентин Рудольфович знал, какими катастрофическими последствиями обернется для него эта ссора с подругой жены, он затолкал бы все слова себе обратно в глотку и лично оформил бы разноцветными фломастерами красивую пригласительную открытку многоуважаемой Маргарите Сергеевне Мамай. А вот на этом перекрестке повернул бы направо и через четверть часа был бы уже дома, съел бы свой любимый помидорный салат и макароны с сыром (непрененно с пармезаном!) и под бормотанье телевизора сладко задремал бы – с чистой совестью, сытым желудком и приятным чувством выполненного долга, но...

Но, как справедливо заметил классик, нам не дано предугадать, как именно наше слово отзовется. И пока сказанное Валентином Рудольфовичем мало-помалу начало проделывать свою разрушительную работу, он, ни о чем не подозревая, нашел по радио приятную мелодию, перестроился в ле-

вый ряд – и поехал прямо.

«Без! Женщин! Жить нельз-зя на све-ете, нет!» – радовался радиоприемник, и мысли Валентина Рудольфовича наконец-то потекли в более приятном направлении. Ехать предстояло далеко – Туся жила на окраине, на Химмаше, и с учетом пробок дорога могла занять час. А за рулем думалось как-то особенно хорошо и расслабленно. Вот интересно: могла бы Марго быть его любовницей? Или женой? Нет, все-таки лучше любовницей. Ведь когда-то они учились вместе в юридическом, правда, он на пятом, а она – на втором, но у них была одна компания в общежитии, и он-то сразу выделил ее среди прочих девчонок. То есть, конечно же, это он жил в общежитии, а Рита приходила в гости к однокурсникам на праздники и дни рождения. Ритка была хорошенькая и не дура, училась на повышенную стипендию, и никто из общежитских парней не мог похвастаться, что пользуется ее благосклонностью. А у середнячка Вали Литвиненко тем более не было ничего такого, что тогда выделило бы его из прочей серой массы, и он любовался Ритой издали, довольствуясь совместным танцем или одной тарелкой жареной картошки на двоих, потому что по тарелке на каждого мыть было в облом. Год спустя, получив диплом, он женился на ее подруге Ирине, которая училась в Институте народного хозяйства на экономиста и часто бывала вместе с Ритой в их компании, а Рита вскоре вышла замуж за какого-то коммерсанта, и он

потерял ее из виду.

Потом, когда дочь немного подросла и жена опять стала общаться с подругами, Рита Мамай снова появилась в их доме. Валентин неподдельно удивился тому, как она расцвела и какой победительно-красивой стала. Из хорошенькой девочки, каких множество, она превратилась в роскошную женщину – из тех, что наделены редким талантом обращать годы себе на пользу и в сорок с хвостиком сводят с ума гораздо большее количество мужчин, чем в глупые двадцать пять, о которых все прочие дамы безосновательно тоскуют. И поэтому Валентину опять ничего не светило: да, он был хорошим судьей, и написал кандидатскую, и через пару лет защитит докторскую, и вот-вот его сделают председателем или заберут в областной, но Марго («королева Марго», так он ее называл про себя) опять слишком шикарна для него, и с этим ничего не поделаешь. Кроме того, имея статус «подруги жены», она не позволяла себе даже намека на кокетство – только изредка иронию, впрочем, вполне дружескую и доброжелательную. А с тех пор, как Марго стала заниматься вопросами этого проклятого «Правого дела» – и успешно заниматься, надо сказать, потому что оказалась не только толковым адвокатом, но и на редкость энергичным бизнесменом, – судья Литвиненко, заботясь о своей карьере и репутации, старался общаться с ней как можно меньше и тщательно следил за тем, чтобы Марго случайно не оказалась в кругу его знакомых и коллег. Жена всегда с пониманием

относилась к его требованиям, поскольку дело касалось работы, и Марго бывала у них нечасто, как правило, в отсутствие Валентина Рудольфовича. Редким исключением бывали летние выезды на дачу и день рождения жены, когда она приглашала только своих подруг.

Прервавшись в своих размышлениях, Валентин Рудольфович притормозил возле ювелирного магазина, где выбрал две симпатичных вещички: для жены продавщица посоветовала брошь – рябиновая веточка с ягодами из кораллов, а для девятнадцатилетней дочери – прелестные сережки в виде бабочек. Конечно, это не Юлькин стиль, она предпочла бы получить в подарок этот, как его, тьфу, короче, бриллиант в пуп, но он сказал, что это – через его труп. Ничего, глядишь, когда и наденет приличную вещь. Подумав о дочери, Валентин Рудольфович привычно расстроился. Но так же привычно взял себя в руки – зачем расстраиваться, если сделать все равно ничего нельзя, а думать – себе дороже. И даже заговорщицки подмигнул продавщице, когда та имела нахальство поинтересоваться, для кого это он покупает третью вещь. Но на этот раз Валентин Рудольфович в ее советах не нуждался, поэтому и удовлетворять праздное любопытство не стал. Туся равнодушна к серьгам и прочим дамским бирюлькам, но любит золотые браслеты и надевает их по несколько сразу. Руки у нее красивые, тонкие, всегда загорелые, с длинными ногтями (он всегда ими любовался), и браслеты, то стекающие к локтю, то падающие к запястью,

очень Тусе идут. Рассовав бархатные футлярчики по карманам, он еще раз улыбнулся развеселившейся продавщице и вернулся в уже успевшую остыть машину.

А надо бы поторапливаться: пять минут девятого, а ему еще обратно ехать. Часик посидит – и поедет. Туся у него молодец, некапризная, хотя и моложе на целых шестнадцать лет (да-да!), и красавица. Не требует ни особого внимания, ни подарков, не устраивает сцен, когда он приезжает вот так, «на часик», и периодически поглядывает на часы. Иногда он задавал себе вопрос: а что, собственно, заставляет Тусю поддерживать с ним отношения? Денег у него не больше, чем времени, как правило, в обрез. Перспектив тоже никаких – он сразу честно объяснил Тусе, что из семьи не уйдет никогда. «Могла бы найти себе и получше», – трезво нашептывала логика. «Значит, лучше не нашла», – выкладывало козырную карту мужское самолюбие. Конечно, он вполне отдавал себе отчет, что когда-нибудь Туся может дать ему отставку, предпочтя любого другого субъекта, который согласится вступить с ней в законный брак (почему-то все женщины к этому стремятся), но старался не думать об этом, верный своему принципу не расстраиваться, если сделать все равно ничего нельзя, а думать – себе дороже.

А вот ему Туси будет не доставать. Ведь они знакомы уже лет пять... или шесть, надо будет спросить у нее. Тогда она, совсем девчонка, работала мастером в мужском салоне, где он стригся. Это потом уже он настоял, чтобы она перешла

в женский, — Туся не возражала, да там и платили больше. Туся вообще ему редко возражала, и не потому, что у нее не было своего мнения. Просто она была легкая и веселая и не цеплялась к мелочам. Еще она удивительно меняла внешность: то глаза покрасит как-то не так, то вдруг из коротких волос сделает длинные, то она брюнетка, то блондинка, то в драных джинсах и мужской рубашке, то в юбке до пяток и в кружевной такой кофточке, а фигурка совсем девичья... И в постели она тоже легкая и веселая, отзывчивая, а еще большая выдумщица, это качество не лишенный комплексов Валентин Рудольфович особенно ценил. Да черт возьми, может, она вовсе и не хочет замуж. Судя по всему, ее бывший муж — не большой подарок!

Во дворе панельной девятиэтажки Литвиненко с трудом нашел место для парковки: все было завалено снегом, и его «Фиат» брюхом едва вполз на сугроб. А снег продолжал идти, как будто там, в небесной канцелярии, захопотававшиеся сотрудники, как и уральские «праводелы», готовили отчет по итогам года и не хотели ударить в грязь лицом перед начальством.

Валентин Рудольфович едва не подавился традиционным утренним тостом с плавленым сырком (нежная привязанность, оставшаяся со студенческих времен, хотя вместо сыр-ка «Дружба» теперь он клал на хлеб нечто заграничное с грибами или ветчиной), когда жена, до того момента тихо-мир-

но наряджавшая елку в гостиной, вихрем влетела в кухню, вырвала из его рук телевизионный пульт и принялась лихорадочно нажимать кнопки:

– Валя, смотри, смотри, тут Нельку показывают, вчерашние новости повторяют, ты вчера все пропустил!

На экране телевизора и вправду нарисовалась подруга жены Неля. В белой кепочке и коротенькой белой курточке она сидела за рулем огромного черного «Ленд Крузера», изящно облокотившись на руль, и нежно мурлыкала в подставленный микрофон:

– Хочется понять, что такое минус семьдесят один, увидеть эту природу, проверить себя в экстремальной ситуации...

– Неля, единственная женщина в команде, получила права только три месяца назад и не побоялась отправиться в эту экспедицию! – восхищался журналист. – Екатеринбургские трофи-рейдеры отпразднуют Новый год на так называемом полюсе холода. Экспедиция в составе тринадцати человек на пяти машинах пройдет пятнадцать тысяч километров, ее цель – самая холодная точка Северного полушария, поселок Оймякон, где температура опускается до минус семидесяти градусов.

– Что за идиотская идея... – начал было Валентин Рудольфович, приготовившись снова укунить бутерброд.

Но Ирина закрыла ему рот рукой и закричала:

– Молчи, сейчас ее нового покажут! Такой красавец, уме-

реть – не встать!

Ну и вкусы у женщин, брюзгливо подумал лишенный тихого воскресного завтрака Валентин Рудольфович, с неприязнью глядя, как на пассажирское место возле Нели угнезвился поджарый мужик с бритым черепом, но с ухоженной бородой сложной конфигурации. Тоже мне, рейдер!

– Мы туда приезжаем, быстро встречаем там Новый год и едем обратно! – Мужик во все зубы улыбался в камеру, левой рукой нежно обнимая спинку сиденья, на котором устроилась Неля.

Валентин Рудольфович покосился на жену – ее глаза сияли. И непонятно, то ли лысый рейдер тому причиной, то ли очередная Нелькина блажь.

– Ну и что все это значит? – проворчал он, прихлебывая уже почти остывший – такая гадость! – кофе.

– А это означает, – пропела непонятно чем довольная жена, – что Неличка вчера уехала и сегодня к нам не придет. Зато потом они придут вдвоем и нам все расскажут! Там минус семьдесят один! Здорово?

– Здорово... – кисло согласился Валентин Рудольфович, который терпеть не мог всех Нелькиных ухажеров, с которыми та постоянно ввязывалась в какие-то авантюры. При этом у Нельки, что самое интересное, был муж, лапоть и подкаблучник, который свято верил, что все спортивно-туристические и прочие увлечения супруги носят исключительно культурологический характер.

– И Настя с Игорем тоже не придут, представляешь? – продолжала Ирина, деловито переставляя какие-то плошки со стола в раковину – она вообще никогда не сидела без дела. – Игорь позавчера в больницу попал с гипертоническим кризом, а знаешь ведь, какой он капризный, то ему одно, то другое, вот она ему супики готовит, котлетки жарит и возле него в больнице сидит целый день. Еще и елочку ему туда понесет. Так что день рождения отмечаем в узком семейном кругу: ты, я, Юлька и Рита. Но Юлька придет поздно. И ты, пожалуйста, веди себя прилично, не лезь к ней, ладно, Валь?

– А... Рита тебе не звонила? – осторожно поинтересовался Валентин Рудольфович.

– Нет. А что? – удивилась жена.

– Видишь ли... После вчерашнего дела... Я бы не хотел, чтобы она к нам приходила. И я тебя уже не раз просил...

– Рита – моя лучшая подруга! – отчеканила Ирина и забрала у него из рук кружку с недопитым кофе. – Ее муж к нам и так не ходит – нормальный, кстати, мужик. Мы договаривались, чтоб не знакомить ее с твоими коллегами, так их и не будет. В чем дело-то?

Валентин Рудольфович так расстроился, что даже отложил недоеденный бутерброд. Вчера, красиво отшив Марго возле суда, он был весьма доволен собой, но о последствиях не подумал. Жена, которая очень гордилась им самим и его карьерой, была готова положить на алтарь служения его профессии все. Кроме подруги детства. А получается, что на

день рождения не придет никто, и если в первых двух случаях виноват злой рок, то в третьем – он лично.

– Зато в магазин ехать не надо, – вручила ему утешительный приз жена. – Представляешь, какие там очереди! Я хотела вчера, а ты приехал в одиннадцать, ладно, думаю, раз никого не будет, и сама приготовлю, тряхну стариной, если не разучилась еще.

– Зато я решение отписал, нам же ехать завтра, чтоб на мне не висело, – привычно соврал супруг. – Ты хоть знаешь, что за дело вчера было?

– Какое? Расскажи! – Ирина немедленно оставила в покое посуду и уселась рядом, приготовившись слушать. Он любил рассказывать жене про сложные и интересные дела, потому что, рассказывая, еще раз их обдумывал и порой находил верное решение, а Ирина была отличным слушателем.

И Валентин Рудольфович подробно рассказал о вчерашнем заседании, о том, как он мечтал треснуть Буликова пепельницей в лоб и как отвратительно себя вела ее драгоценная подруга. Но жена, вопреки ожиданиям, не прониклась сочувствием, а принялась хихикать. Литвиненко обиженно прервал рассказ:

– Тебе смешно! А с меня еще шкуру спустят за это дело. Они же шпионы, им деньги из-за границы шлют, чтоб они нашу судебную систему расшатывали.

– Ну и что за система, если ее дохлая мышь может расшатать?! – уже хохотала жена.

– Да ну тебя! – обиделся Валентин Рудольфович, не встретив привычного сочувствия и понимания, и присовокупил бесспорный, с его точки зрения, аргумент против четы Мамай-Буликовых: – Если бы не они, я бы дома вечер провел.

– Ну, не они, так другие, – не поверила Ирина. – У тебя всегда работы больше всех. Но зато скоро будешь председателем! И тут выкрутишься, ты же умный! Ты у меня самый умный на свете. Устал, мой хороший, устал, мой зайныка... – Она шутливо прижала его голову к своей груди, погладила, нежно подергала за ушки... и Валентин мгновенно расслабился, поплыл, он очень любил, когда она вот так, как над малым ребенком, над ним ворковала. – Вот в Египте отдохнем, да, солнышко? Слушай, какая, интересно, там погода, а? В турфирме говорят, что двадцать восемь градусов, а в Интернете я смотрела – двадцать один. Вообще-то разница. Ну ничего, просто будем гулять, правда?..

День прошел в ожидании. Ирина собирала чемодан и параллельно хлопотала на кухне – а у него не поворачивался язык сказать, что Марго тоже не придет и что виноват в этом он. В шесть часов раздался долгожданный звонок – но не в дверь. Ирина, сняв телефонную трубку, сперва заулыбалась:

– Ритуля, привет! Ну, ты где? Ждем ведь! Почему не придешь?.. Валя? Рассказал, конечно, я смеялась ужасно... Да ладно вам, подумаешь, приходи – помирись, я вас помирю... Что сказал? Так и сказал?!

Ирина, прижимая трубку к уху, зашла в комнату и уста-

вилась на благоверного – на ее лице было написано изумление. Но Валентин Рудольфович выражения ее лица как бы не видел, потому что он как бы уже задремал у телевизора, умаявшись за день.

– Рита, я требую: немедленно приходи! Ты с ума сошла! Я тебе говорю... Где сидишь? А... Ну ладно... Господи, чепуха какая! Ведь сколько лет... Ну, что поделаешь... Давай так: мы приедем восьмого, и ты сразу приходи. Обещай. Нет, ты обещай! Я все улажу.

Эта последняя фраза была произнесена тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Выдержав паузу, Валентин Рудольфович не утерпел и все же приоткрыл один глаз. Жена стояла напротив и смотрела на него в упор.

– И что она сказала? – еще надеясь на мирный исход, глупо спросил он.

– Сказала, что сидит в салоне красоты. Шоколадные оберывания у нее. Очень успокаивает и тонизирует одновременно. А завтра у них с мужем прием в консульстве США. С утра она в парикмахерскую. А сегодня ей еще за платьем. Что еще тебя интересует?

– Ну, Ириша... – Против воли голос прозвучал заискивающе, но и это не помогло.

– Валя, я уважаю твою работу, и все, что могу, для тебя сделаю, ты знаешь. Но всему есть предел. Мы с Марго дружим с третьего класса, мы вместе ходили в баскетбольную секцию. Жизнь складывается по-разному, она зарабатывает

на жизнь, как может, и не делает ничего противозаконного. Она известный даже в мире адвокат. Она такой же кандидат наук, как и ты! Я не заставляю тебя с ней дружить, но и ты мной командовать не смеешь! – Голос жены подозрительно зазвенел.

Валентин Рудольфович растерялся. Жена впервые в жизни устроила ему скандал, отказываясь подчиниться разумному, с его точки зрения, требованию – не общаться с человеком, дружба с которым могла повредить его, Литвиненко, карьере. Его работе, его почти написанной докторской, его преподаванию в юридической академии. Как-то сразу так сложилось у них в семье, что жена не возражала ни против командировок (повышение квалификации), ни против позднего возвращения с работы (документы должны быть в идеальном порядке). Он никогда ничего не делал по дому – ему некогда! Да и не умел, честно говоря, а если возникала необходимость, то слесарей, электриков, сантехников, телефонистов вызывала и разыскивала Ирина, она же отвечала за ход и качество ремонтных работ. И до последнего времени у них с Ириной не было спальни: гостиная, в которой раскладывался диван, Юлькина комната и его кабинет – ему нужнее! Только год назад, когда дочь стала жить отдельно, Ирина призналась, что всю жизнь мечтала о собственной спальне, само наличие которой казалось ей верхом роскоши и комфорта. Он никогда ничего не просил, не требовал, просто само собой сложилось, что его заботы, его дела первостепенны, а осталь-

ное – вторично. То, что необходимо для его работы, не обсуждается. И вот впервые в жизни жена категорически отказывается идти ему навстречу, а он не знает, что делать. Утешать? Настаивать на своем? Свести все к шутке? Просить прощения?

Ирина уже собиралась заплакать всерьез, с расчетом на конкретный результат, но ситуацию спасла Юлька – ворвалась, как всегда, шумная, веселая, со связкой шариков и самодельной газетой с фотографиями и смешными стихами. Валентин Рудольфович откровенно любовался дочкой: высокая, тоненькая, спинка прямая, вся, как струночка, копна пушистых непослушных волос, сияющие серо-зеленые глаза – может, и не красавица, но когда она весела и счастлива, от нее глаз не отвести!

Ирина моментально вытерла слезы. Юлька в последнее время забегала к ним нечасто, опасаясь нарваться на скандал. Уже больше года – с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать, – она жила не дома, а в квартире, которую ей снимал любовник. На вступительных экзаменах в университет ей не хватило полбалла, чтобы попасть, как теперь говорят, «на бюджет», пришлось идти на платное отделение. Плата за обучение по специальности «мировая экономика» была не то чтобы непосильной, но весьма ощутимой, и расстроенная Юлька сразу устроилась на работу. Точнее, ее устроила Ирина, работавшая тогда в отделе выездных проверок районной налоговой инспекции. По ее просьбе Юлька с радостью взя-

ли в крупную фирму в отдел рекламы, причем взяли даже не за агентские, как брали прочих «дипломированных специалистов», а на оклад. И попробовали бы не взять – с Ириной и ее коллегами все предпочитали дружить.

Так с маминой подачи Юлька и познакомилась с директором фирмы, носившим пророческую фамилию Горюнов. Горюнов был спортивен, красив и харизматичен, и дурочка Юлька немедленно влюбилась в него по уши – как полагается в ее возрасте, «на всю оставшуюся жизнь». Несколько месяцев спустя Горюнов честно предупредил новую сотрудницу, что он человек порядочный и из семьи не уйдет, пока дети не вырастут. После чего снял Юльке квартиру и предложил вместе ждать, пока вырастут эти самые дети. Юлька, захваченная нарисованной перспективой, немедленно согласилась, хотя все хором внушали ей, что в подобных случаях дети никогда не вырастают. Ирина плакала, тетя Неля рассказывала страшные истории из собственного опыта, тетя Рита стерла язык, объясняя Юльке всю степень ее глупой наивности, отца едва не хватил инфаркт – но разве это когда-нибудь останавливало восемнадцатилетних влюбленных дурочек? Детей, как показывает опыт со времен Шекспира до наших дней, вообще мало интересует мнение родителей об их избранниках. Юлька переехала в снятую Горюновым квартиру и с тех пор забегала к родителям в гости, стараясь пореже встречаться с отцом, который мгновенно взвизывался и по любому поводу затевал ссору, упорно пытаясь переубе-

дить дочь. Ирина, за прошедший год уже почти смирившаяся с неизбежностью, училась смотреть на ситуацию фило-софски и изо всех сил старалась не допускать скандалов.

Вот и теперь, забыв о ссоре с мужем, она хлопотала, на-крывая на стол, болтала с дочерью, и Валентин Рудольфович постепенно расслабился. Они чудесно посидели, спохватив-шись едва ли не под утро – давно им не было так весело и спокойно вместе, поспали час или два, а наутро заспанная Юлька, клятвенно пообещав пожить неделю «дома», поли-вать цветы и брать из ящика газеты, проводила родителей в аэропорт.

– Ой, не говорите, под Новый год всегда столько беготни, такая нервотрепка! И на работе все зашиваются, нервнича-ют, – щебетала парикмахерша Наташа, ловко орудуя феном и расческой. Когда она на секунду выключала фен, чтобы сменить насадку, на ее запястье тихонько позвякивали два тонких золотых браслета. – Вот и мне муж рассказал...

Наташа отступила на шаг, чтобы полюбоваться плодами своих усилий с нужного ракурса, осталась не вполне доволь-на и с энтузиазмом набросилась на непослушную прядь. Фен ровно шумел, в зале играла музыка, из-за шума Маргарита не разбирала и половины того, о чем говорила Наташа, но кивала благосклонно: новая стрижка ей нравилась, они с На-ташей знакомы много лет, и мастер с полуслова понимает, чего бы ей, Рите, хотелось в этот раз. Вообще салон красоты с

географически необоснованным названием «Голливуд» был не из дешевых, ходили сюда в основном постоянные клиенты и только по записи (Наташа называла их «клиенточками» и почитала своим долгом развлекать беседой). «Клиенточки» тоже были не прочь скрасить болтовней пару часов ничегонеделания, а тем для ни к чему не обязывающей болтовни всегда набиралось предостаточно.

— ...такие приличные люди, вот тоже юристы, как и вы, на работе до того мужа довели, что он приехал вечером сам не свой, говорит, еле удержался, чтоб одному там... ну, в общем, я не буду повторять, так одному чуть не дал по голове пепельницей. А она чугунная, не дай бог...

Наташа поперхнулась на полуслове, потому что «клиенточка», лежавшая в сладкой полудреме, вдруг вскочила, как ошпаренная, посмотрела на Наташу дикими глазами, пробормотала что-то невнятное и бросилась вон из зала, на ходу сдирая скользкую шуршащую накидку. Она швырнула на стойку администратора деньги, схватила шубу и вылетела из салона красоты, не проронив ни звука. Трудовому коллективу салона красоты «Голливуд» в лице Наташи, администратора Инессы Львовны, еще одного дамского мастера и маникюрши оставалось только приникнуть к окнам и с изумлением наблюдать за тем, как наполовину причесанная «клиенточка», за которой раньше никаких странностей не наблюдалось, так резко рванула со стоянки свой алый «Мерседес», что проезжавшая мимо «шестерка» едва успела прижаться к

обочине и истошно засигналила вслед.

– Может, она утюг забыла выключить, а теперь вспомнила? – неуверенно предположила Наташа.

– Сейчас такие утюги, что не горят, – резонно заметила Инесса Львовна. – Нагреваются и отключаются. Автоматически. Просто как с ума все сошли перед Новым годом. И чек не спросила... Значит, не будем пробивать. А ты фен-то выключи.

Наташа задумчиво выключила фен. Поскольку других версий произошедшего выдвинуто не было, все вернулись на свои места – и рабочий день в «Голливуде» пошел своим чередом.

Маргаритин «Мерседес» медленно двигался в потоке машин: перед новогодними праздниками за покупками в Екатеринбург прибыли жители области, и когда неделю назад пробки на городских улицах стали больше походить на медленно движущиеся автопарковки, гаишники пригрозили периодически перекрывать въезд в город. Маргарита с Ириной как раз возвращались с литвиненковской дачи и битых полтора часа проторчали на объездной. Зато уже на следующий день Маргарита подала в суд иск на инспекторов в связи с ограничением прав граждан на свободу передвижения. В суде выяснилось, что инспекторы перекрывали движение, конечно, не из личной вредности, а согласно приказу начальника ГИБДД, который Маргарита тоже немедленно обжаловала.

вала. Рассмотрение назначено на девятое января, таким образом, первое дело в новом году будет стопроцентно выигрышным. Валентин, который маялся дома и принципиально не разогревал оставленные Ириной в холодильнике гречневую кашу и котлеты, помнится, очень хвалил Маргариту за инициативность и ругал гаишников.

Но сегодня пробки, обычно доводившие до иступления вечно спешащую Маргариту, были как нельзя кстати. Ей надо было обдумать услышанное. Обдумать и принять решение. Она несколько лет общалась с Наташей и знала, что у нее есть муж. Точнее, «не совсем муж», как однажды выразилась Наташа: то ли брак официально не зарегистрирован, то ли живет ходок на два дома. Сама Наташа приехала из Нижней Салды, недавно у нее там умерла мама, оставив квартиру в наследство, Наташа квартиру продала, и еще советовалась с Маргаритой – купить ей на эти деньги машину или сделать хороший ремонт. В начале осени, кажется, все же купила машину, подержанную «реношку», и рассказывала – да, точно, – как смешно вдруг стал ревновать этот «не совсем муж»: кто тебе колесо менял? Звонить стал после работы, проверять, домой ли поехала.

Да, вспомнила Маргарита, Наташа осенью похвасталась, что на день рождения муж подарил шубку из голубой норки, правда, из секонд-хэнда, но дорогого, «элитного». Смешно. Шубку Наташа даже продемонстрировала, и Марго тогда посмеялась про себя, потому что голубая норка – это не значит

норка, крашенная в небесно-голубой цвет. Может, это и не норка вовсе. Кажется, этот эпизод она даже пересказывала при случае Ирине, которая тоже думала купить шубку. Ирина смеялась и называла ее «злыдней».

Еще Маргарита знала, что Наташа с «не совсем мужем» любят ездить в Тюмень, купаться в горячих источниках. Что она хотела бы родить ребенка, дочку, а муж против. Как-то Наташа обмолвилась, что «не совсем муж» – юрист. Но имени не называла, чем конкретно занимается, никогда не говорила. Да не больно и надо, Маргарита в детали парикмахершиной болтовни не вникала. А сегодня как будто включили свет в темной комнате, и все детали обстановки сразу стали видны: ведь не у десяти же человек за последние три дня чесались руки дать ее Володе по голове чугунной пепельницей, будь она неладна.

То-то она все удивлялась про себя, что это за учеба такая у наших судей в Тюмени, которой объясняла частые отлучки мужа Ирина. Но в голову не брала – ездит и ездит, понятно, что не учеба, но мало ли какие у него там дела. А оно вон, оказывается, как...

Что ей делать теперь с приобретенным знанием, Маргарита не имела ни малейшего представления. У Ирининогo мужа есть любовница, и живет он на два дома уже несколько лет. Ирина ни о чем не знает, хотя Маргарита несколько раз к случаю пересказывала ей смешные истории из жизни своей парикмахерши.

Сказать или не сказать, вот в чем вопрос. Куда там принцу Датскому с его чепухой. Скорее всего, надо молчать, не ее дело. Нет, но каков гусь! Ирка ему всю жизнь служит, пыль сдувает, а он! А как кипятится, когда заходит речь о Юлькином хахале – и подлец-то он, и голову девчонке задурил, и жену, скотина этакая, обманывает. Его парикмахерша чуть постарше Юльки. Он, кстати, предлагал жене Горюнова все рассказать, чтоб та отучила благоверного по девкам бегать – еле отговорили. А может, Ирина и знает? Наверное, жена всегда догадывается о таких вещах...

А не дай бог ребенка там родит? Мало ли, что он не хочет, у мужиков разрешения родить спрашивать – давно вымерли бы. А Литвиненко от Ирки уйдет? Ей на будущий год сорок, бабий век. Как пить дать, уйдет. Юлька вон выросла, а мужики в этом возрасте на детях помешаны, говорят, что это подтверждает их репутацию секс-гиганта. То-то все знаменитости взялись на седьмом десятке себе наследников делать! Так у них хоть наследство есть, а у этого – одна зарплата плюс лекции, вроде бы Литвиненко и взятки не берет или берет очень осторожно... Ну, правда, пенсия будет нехилая, парикмахерше – за глаза... Или сказать, пока не поздно? Ну да, и стать врагом на всю оставшуюся жизнь, а они помирятся потом. Кому она нужна, эта правда, ну ее к черту!

Приняв решение, Маргарита успокоилась и повеселела. А дома, увидев себя в зеркале, долго хохотала, не в силах объ-

яснить ничего не понимающему мужу, что таких причесок, как у нее, не бывает. Но времени возвращаться в парикмахерскую уже не было. Она вымыла голову, высушила волосы феном и собрала в замысловатую загогулину на затылке, закрепив шпильками и красивой заколкой. Потом надела новое платье и долго рассматривала себя в зеркале, поворачиваясь так и сяк. Получилось очень даже ничего. Володе так даже больше понравилось, сказал, что очень женственно. И очень удобно целовать в шею, когда волосы подняты. И вообще, зачем она так рано надела это дурацкое платье, которое невозможно расстегнуть, ведь он-то еще не одет... Сперва Маргарита сопротивлялась и возмущалась – вполне натурально, хотя прекрасно знала, что платье не мнется и ничего ему не сделается, а до начала приема еще полтора часа. И уступила только тогда, когда муж убедил ее, что платье можно и не снимать, он согласен и в платье, так и быть.

На самом деле она очень любила такой вот быстрый секс: улучшить неподходящий момент перед работой или в ожидании гостей. После этого у нее еще долго особенным блеском горели глаза, на лице как будто мерцала улыбка, и все ей говорили, что она сегодня чертовски хороша – да она и сама это знала! Ее муж был прекрасным любовником, изобретательным и внимательным, он всегда угадывал, чего ей хочется – долгих нежных ласк на широченной кровати с дорогим, пахнущим чистотой бельем, веселой и нелепой возни в джакузи или такого вот «возмутительного безобразия», на кото-

рое она втайне и рассчитывала, видя, как любителю муж ее отражением в зеркале. А ведь он ее на пять лет моложе.

Прием в консульстве прошел удачно. Марго была хороша, и это признали все. Гораздо лучше юных вертихвосток, которые пытались изображать из себя женщин-вамп, раз уж попали на такую перспективную тусовку. Рита переговорила с консульшей, узнала о двух новых грантах, которые непременно надо бы заполучить, поболтала с нужными людьми и даже пококетничала с губернатором, которого, видно, никто не предупредил, что эта красotka и есть самая главная сутяжница на подведомственной ему территории. Конечно, он не знал ее в лицо, хотя, будучи в традиционных контрах с мэром, наверняка с удовольствием смотрел по телевизору, как «праводелы» лопатами сгружали перед мэрией проигранные в суде денежки. Маргарита в тот раз не светила перед телекамерами, предусмотрительно послав туда Володю. Она в свое время намеренно разграничила амплуа: и она, и муж – авторитетные общественные деятели и известные правозащитники, но она – серьезный адвокат, выигрывающий иски в судах от районного до Верховного, он – возмутитель спокойствия, ньюсмейкер, любимец журналистов, которого полгорода знает в лицо. Придуманно было гениально, но...

На приеме они с Володей почти не виделись, он на пару с пресс-секретарем консульства воздавал должное фуршету. Но Маргарита все время предвкушала, как она выложит мужу сногшибательную новость. Она даже дотерпела до дома,

не желая портить удовольствие и аккуратно подбирать слова в присутствии шофера такси. Но дома, сбросив с гудевших от усталости ног узкие туфли, она немедленно приступила к делу:

– Володь, что я тебе расскажу!

– М-м? – без особого интереса отозвался из комнаты драгоценный супруг. Он уже успел сбросить с себя костюм, который, надо признать, отлично на нем сидел (и весь вечер Рита ловила устремленные на него взгляды юных охотниц за мужчинами), и влез в свои любимые застиранные джинсы с резинкой на пузе. Впрочем, никакого пуза пока не было.

– Ну что «м-м»?! Со стула упадешь!

– Не упаду, – лениво ответил муж. – Я на диване.

– Уже успел? – удивилась из прихожей Маргарита, все еще пристраивая на место шарф, перчатки и сумочку. – Ну ладно, так и быть, не падай. А новость все равно сногсшибательная! У Валентина есть любовница!

Она наконец зашла в комнату с видом Деда Мороза, подавшего ребенку вожаденную железную дорогу и готового пережить волну благодарного восторга. Но муж отреагировал вяло:

– У какого Валентина?

– Да у Иркиного же! У Литвиненко!

– А ты откуда знаешь?

– Мне парикмахерша сказала. Ну моя, Наташа. Представляешь, сколько лет я у нее... А она с ним. Он мне тогда, по-

сле суда, сказал: едва, мол, удержался, чтоб твоему Буликову в лоб пепельницей не заехать. Заметил, у него на столе стояла, черная? Я еще удивилась, курить ведь все равно нельзя. Тоже мне, герой... Вот. И она мне сказала, что ее муж – муж, представляешь! – тоже хотел одного убить пепельницей.

– Так и сказал? – неприятно поразился Буликов.

– Да. Ну, а я сложила два и два. То есть один и один: тебя и пепельницу. И все поняла!

– Вот вечно с твоими делами на скандал нарываемся, – муж смотрел на нее с непередаваемой укоризной. – Неужели нельзя аккуратнее? Я тебе говорил, что надо другого ответчика искать, не меня!

– Ну кого же было искать, Володя! И некогда было, ты сам знаешь. Зато какое дело! Ты телевизор смотрел? Даже энтэвэшники снимали. В Интернете двадцать шесть ссылок, не считая нашего сайта! Что и требовалось доказать.

– Тебе отчет в Америку дороже моего лба! – неожиданно разозлился ответчик по делу об убитой мыши.

– Тебе же никто не дал, – резонно возразила Маргарита.

– А надо было, чтоб дали? – не унимался муж.

– Погоди, погоди, – вдруг вспомнила Маргарита. – Ты про Валентина не понял, что ли?

– Понял, ну и что?

– Как что? Такая свинья!

– Да брось ты, все так живут, – поделился своим видением проблемы немного успокоившийся супруг и нашарил среди

диванных подушек телевизионный пульт.

– Все?! – возмутилась Маргарита. – Та-ак...

– Ну ладно, ладно, не все, – дал задний ход супруг. – А чего такого-то? Ирина-то твоя знает?

– Нет, в том и вопрос. Как думаешь, сказать?

– Я никак не думаю. Не наше дело. Пусть они и думают. Хотя он, конечно, скотина – пепельницей, а? Я бы его... – Володя не договорил, засмотревшись на скакавшего по экрану Джеки Чана.

По опыту Маргарита знала: пока Джеки Чан не перестанет кувыряться и подпрыгивать, на остальные раздражители муж будет реагировать вяло и на вопросы отвечать невпопад. Она вдруг почувствовала, как устала за день, как хочет лечь, вытянуться на кровати и ни о чем не думать. Постояв еще секунду возле дивана, она махнула рукой и отправилась в спальню.

Однако «ни о чем не думать» не получилось – суматошный день, полный хлопот и открытий, не отпускал в спасительный сон. Лежа в постели, Маргарита рассматривала прихотливые узоры гобелена на стене и прислушивалась к приглушенным, но различимым воплям мужниного любимчика. Конкурентную борьбу с Джеки Чаном и прочими кинопрыгунами Маргарита не выдерживала однозначно: пока они не победят всех врагов, муж не придет в спальню, поскольку здесь телевизора не было, и этот последний рубеж, прочерченный дизайнерами, Маргарита обороняла стойко. На всей

остальной территории обширной квартиры муж и телевизор существовали в таком органичном симбиозе, что представить одного без другого было невозможно. Когда Володи не было дома, она никогда не включала этот болтливый ящик, помешанный на жвачке, пиве, прокладках и ток-шоу. Зато муж, едва переступив порог, бросался к ближайшему телевизору (всего их было в доме четыре, по одному в каждой комнате и один на кухне) и переодевался уже под стрельбу, вздохи и истеричные споры. Он с одинаковым вниманием смотрел все подряд, даже рекламу, и это было выше понимания Маргариты. На основе многолетних наблюдений за мужьями подруг и своим собственным она начала подозревать, что у мужчин в мозгу есть какой-то особенный участок, которого нет у женщин и который отвечает за контакт с телевизором. Володя смотрел телевизор как кошка, не вникая в смысл, лишь бы на экране что-то мелькало, под его бормотанье мгновенно погружался в сладкую полудрему – и просыпался в ту же секунду, как Маргарита выключала телевизор.

Впрочем, надо отдать должное Владимиру Буликову – он имел удивительную способность засыпать в любой ситуации. Вначале, когда они только познакомились, Маргариту это даже забавляло. А познакомились они семь лет назад, когда она только что развелась. Первый муж настаивал на немедленном увеличении численного состава их семейства, мечтая отправить умницу и красавицу Маргариту в пожизненный декретный отпуск. Но ей тогда был всего тридцать один

год, она только-только почувствовала вкус к карьере, отметив первую годовщину своего «Правого дела» и вернувшись из длительной стажировки в Штатах. Получив от мужа очередной ультиматум, она без колебаний предпочла работу семье и, оформив развод, с упоением занялась работой – интересной, приносящей и деньги, и удовлетворение амбиций (а они-то у Риты Мамай были немаленькие!).

На тот момент вопрос с финансированием «Правого дела» был окончательно решен, Марго, не торгуясь, арендовала офисы, подбирала грамотных юристов, щедро платила пиар-агентствам и журналистам. Муж, человек небедный и, как выяснилось, даже великодушный, оставил ей квартиру, и Рита наняла дизайнерскую фирму, чтобы быстро и без хлопот обустроить бывшее семейное гнездо под красивое одинокое житье. Спальню было решено оформить в восточном стиле: тяжелые портьеры, низкая широкая кровать с множеством подушек, шкафы с резными дверцами, фонарики вместо ламп, зачем-то кальян, ковры на полу и на стенах. Вместе с девочкой-дизайнером она однажды вечером и приехала в «крупнейший на Урале салон эксклюзивных ковров», как утверждала реклама. В зале, где висели нужные им «эксклюзивные» гобелены, не было ни души, а продавец мирно дремал на диванчике для клиентов.

Деятельная девочка немедленно растолкала спавшего, и они вдвоем принялись перебирать шедевры мирового ковроткачества, демонстрируя их Маргарите, которую усадили

на освободившийся диванчик с чашкой кофе. Но Маргарита больше смотрела не на ковры, а на этого самого продавца. Молодой парень, великолепно сложенный – видно было, что это подарок благосклонной природы, а не плод тяжких трудов в тренажерном зале – двигался с тяжеловатой ленивой грацией. Маргарита, которая всегда была вполне равнодушна к красивым мужчинам, однозначно предпочитая умных и успешных, сама себе изумляясь, не могла отвести глаз от этого чертового продавца и некоторое время спустя поймала себя на несвойственных ей, неуместных и фривольных мыслях. Этот молодой мужчина, как ни дико звучит, удивительно подходил к интерьеру ее новой спальни – ленивой, манящей, дорогой и черт еще знает какой! Он был тоже ленивый, притягательный и какой-то... породистый.

Поскольку магазин был дорогой и для пущей убедительности назывался «DeLuxe», три выбранных ковра и два гобелена разрешили взять домой «на примерку». И на завтра вечером тот же самый продавец явился к ней домой и под руководством девочки-дизайнера ходил по ее спальне, показывая эксклюзивный товар лицом и изнанкой. Наконец выбор был сделан, девочка ушла, а продавца, которого звали Владимиром, Маргарита под каким-то предлогом оставила... и как-то так вышло, что на ночь. Такое безобразие она позволила себе впервые в жизни, и с кем – господи боже мой! – с продавцом ковров! Но врожденное чувство стиля не подвело Маргариту – это был настолько великолепный экземпляр

мужской породы, что ее слабость признала простительной не только легкомысленная Нелька, но и убежденная хранительница всяческих устоев Ирина, а это что-то значило!

Владимир, несмотря на свой юный возраст, уже был женат, и Маргарите пришлось выдержать серию скандалов, которые закатывала его жена, никак не желая признавать за своим до сих пор послушным и безынициативным супругом права на самоопределение. Но силы противника были превосходящими – Маргарита могла предложить избраннику гораздо больше всяческих перспектив. Жена отступила с тяжелыми боями, в качестве трофея оставив себе квартиру, а изменнику свою фамилию – Буликов. Дело в том, что остроумные Вовины родители по фамилии Ульяновы, назвав новорожденного сына Вовочкой, не учли, сколько политически окрашенных анекдотов придется выслушать их отпрыску до тех пор, пока он не догадается жениться и не укроется в спасительной тени милейшей фамилии Буликов. На двадцать шестом году жизни продавец ковров Вова Буликов готов был стать и Мамаем, но Маргарита дальновидно сочла, что этого делать не стоит.

Все же она была женщиной умной и целеустремленной и, исподтишка любуясь своим «породистым» избранником, не только тешила женское самолюбие. Она выработала план: ей нужен не только муж и любовник, ей необходим партнер и соратник, человек, так же заинтересованный в ее деле, как и она сама, которому она могла бы доверять всецело. И Влади-

мир Буликов подходил на эту роль как никто другой. Маргарита четко представляла, как это все будет: она возьмет его в дело, выведет в люди, поможет получить престижный диплом и научит зарабатывать хорошие деньги, а он будет ей обязан и, главное, подконтролен. И еще он будет ее любить! А уж это получается у него лучше, чем у всех прочих мужчин, с которыми она имела дело раньше.

Но, как ни обидно признаваться, вздохнула Маргарита, отводя взгляд от «исторического» ковра, ставшего семейной реликвией, сложить все семь горошков на ложку не получилось. Володя получил диплом, благо с платным образованием теперь нет проблем, научился достойно держаться в суде и бойко разговаривать с журналистами, отлично смотрелся на приемах и фуршетах, неплохо ладил с теми, от кого зависело получение грантов, — но в голову все это не брал. Даст жена указание — выполнит, не даст — еще лучше. В долгих судебных заседаниях он дремал так же, как он делал это до знакомства с Маргаритой, работая охранником на стоянке, в супермаркете, в отделении пенсионного фонда и магазине ковров, но теперь это уже совсем не забавляло Маргариту. Вова предоставлял жене право не спать ночами, разрабатывая стратегии, устраивая ловушки, готовя эффектные повороты, просчитывая ходы адвокатов противной стороны, и по-прежнему тащить на себе весь воз забот под названием «Общественная организация «Правое дело». Финансовой стороной непростого «семейного бизнеса» он тоже интере-

совался не особенно, довольствуясь тем, как решает этот вопрос энергичная супруга.

Но в одном расчет оказался верным, утешительно кивнула одной особенно затейливой завитушке Маргарита: ее тридцатичетырехлетний муж всегда нежен и внимателен, всегда готов ею восхищаться, и когда она видит, как смотрят на него другие женщины, то лишний раз убеждается, что сделала все правильно. И в минуты нежности в шутку называла мужа «спящим красавцем», который, впрочем, мгновенно просыпался и загорался от ее поцелуев...

В конце концов, главное то, что она полностью его контролирует – и на работе, и дома. Неизвестно еще, как все сложилось бы, окажись он ухватистым и энергичным... Но тут Маргарита вдруг поняла, что в квартире наступила тишина, нарушаемая только плеском воды в душе. Это означало, что наши уже победили и что любимый муж сейчас водворится-таки на правом фланге широкой кровати с множеством подушек. Маргарита сменила позу и продуманно расправила кружева на рискованном декольте шелковой ночной рубашки, открыв нескромному взгляду чуть больше, чем следовало бы. А какой с нее спрос? Она давно уже спит, и если муж захочет продолжить начатое в прихожей перед приемом, ему придется долго-долго ее будить и уговаривать... Отчетливо вообразив дальнейшие события, Маргарита согнала с лица довольную улыбку и быстренько выключила ночник.

– Слушай, Ир, я, наверное, зря приехала, могли бы где-нибудь в кофейне посидеть. – В голосе Риты звучала нерешительность, вообще-то ей совершенно не свойственная. – Вдруг Валя вернется, мне с ним ссориться не с руки...

– Как же, вернется! – фыркнула Ирина. – Уж если он, будучи в отпуске, пошел на работу, то до вечера. Сам сказал. Вот, смотри, – ткнула она пальцем в экран компьютера, на котором появлялись солнечные летние фотографии – отчет о праздновании Нового года. – Это мы на дайвинг ездили. Я, слава богу, не ныряла, боюсь всей этой живности до смерти, а Валя чуть на морского ежа не сел... Слушай, а в Египте женщины вообще не работают, даже горничные – мужики, представляешь? Я трусы стеснялась повесить постиранные. В шкафу сушила. Так здорово!

– А чего хорошего?

– Хорошего ничего, но все равно сохнет.

– Да я не про трусы. Чего хорошего, что не работают? Я бы без работы через день на стенку полезла. Ты что, хотела бы дома сидеть?

– Да запросто. Знаешь, я уже наработалась. Всю жизнь, с девяти до шести, не вставая со стула, дневной свет вижу только по выходным, разговоры все переговорены, интереса нет, перспектив особых тоже. Получал бы Валя побольше, плюнула бы.

– Это у тебя перспектив нет?! – от возмущения Маргарита аж подпрыгнула. – Ты же профессию знаешь от и до, так

сейчас не учат, плюс опыт, и дети малые на руках не виснут, больничных не притащишь – тебя главбухом в любую фирму с руками оторвут! Хочешь, на этой же неделе устрой? Seriously? Будешь получать в два раза больше своего супруга. Или к себе возьму. Хочешь?

– Ну, Рита, ты же знаешь, что Валя против. А уж к тебе тем более...

– Ах, Валя! Ну конечно!

– Да не сердись ты на него, Ритка! И вообще, забудь об этом, я тебя прошу! Он так и не думает вовсе, ему вожжа под мантию попала. Я ему так и сказала: всему есть предел, для тебя работа – это святое, на здоровье, а Рита – моя любимая подруга. Такой вредный стал... И Неля ему не нравится, то есть мужики ее, и Настя, видите ли, зануда. Слушай, по-моему, у мужиков после сорока вообще характер портится, не заметила?

– Не за-ме-ти-ла! – с удовольствием потянувшись, Маргарита крутанулась на стуле и с улыбкой уставилась на подругу. – Володе, к твоему сведению, всего тридцать четыре.

– И что, большая разница? – не поверила Ирина.

– Знаешь, разница есть, – авторитетно подтвердила Маргарита. – Он меня всегда хочет. И можно два раза в день.

– Да, у нас с этим не очень, – шутливо посокрушалась Ирина. – То уже спит, то еще не проснулся, то пора вставать, некогда в кровати валяться. Да я, ты знаешь, и не в обиде. И раньше не особо толк в этом деле понимала, а теперь и во-

все за день набегаешься, так в ванне полежать с не слишком умной книжкой – вот это кайф.

– Тяжелый случай. Твой в смысле, – уточнила Маргарита. – Тебе лет-то сколько, дорогая?

– Сколько и тебе! – засмеялась Ирина, которую развлекал этот разговор.

– Напоминаю – мне еще два месяца будет тридцать восемь, а тебе уже тридцать девять, – строго, как учительница у доски, сообщила Маргарита. – Начитаешься еще. А пока можно и в ванной. Но без книжки. Книжка в этом деле ни к чему, только мешает.

– Да ну тебя! – махнула рукой Ирина. И, не удержавшись, все же спросила: – А вы что, правда, до сих пор... ну, как раньше... – Она смешалась, не подобрав слова.

– Говорю же, два раза в день, – любуясь на свой маникюр, доложила Маргарита. – Если я, конечно, соглашаюсь. То есть я сначала ни в какую, но потом... Сама поражаюсь, все-таки семь лет живем.

– Счастливая ты, – задумчиво подвела итог Ирина.

– Ну, как сказать... Одной крутиться тяжело. Я ведь, честно говоря, думала все на него переложить, хотела другими делами заняться. Мне вон докторантуру предлагают в Кембридже. Или годовую программу обучения юристов-правозащитников в Школе Права в Колумбийском университете. А я не могу дела бросить, потому что Володя не тянет. – Маргарита помолчала, зачем-то переставила на столике кофей-

ные чашки с египетскими скарабеями. – Ума он не блестящего, образования не хватает, ленив до безобразия, не пнешь – с места не сдвинется. Зато вот недавно кёрлингом увлекся, три раза в неделю, как штык, на тренировки ездит, только об этом и говорит, глаза горят – ты бы видела!

– Чем увлекся? – не поняла Ирина.

– Кёрлингом. Чушь такая! – передернула плечами Маргарита. – Ну, две команды, шайбы здоровые каменные по льду толкают, перед ними дорожку швабрами чистят, умереть со смеху. Мы летом в Канаду ездили, помнишь? Ну вот. Я там по лекциям да семинарам, еле в магазин вырвалась за сувенирами, а он бездельничал, его и научили на мою голову. Там у них все помешались на этом кёрлинге, второй спорт после хоккея, есть специальные телеканалы, которые только эту чепуху со швабрами и показывают, представляешь?

– А чего ты так злишься-то? – не поняла Ирина. – Интересно же! Пусть играет на здоровье.

– Да ты пойми: меня бесит, что по нашим делам он ни разу за все годы по своей инициативе задницу от дивана не оторвал, а тут такую деятельность развел! Представляешь. Евразийскую ассоциацию кёрлинга создал, документы сам собирал, ночами не спал – устав писал! Теперь этот самый кёрлинг только в Москве, в Питере, в Воронеже (с ума сойти, да?) и у нас вот. Команду собрал, лед арендовал, сам все оплачивает. Пять этих шайб дурацких из Канады припер, а они двадцать кило каждая! На нас на таможне как на идио-

тов смотрели.

Маргарита махнула рукой и замолчала. Потом сменила тему:

– Слушай, а у Юльки-то как дела, все хочу спросить? Давно ее не видела.

– Да как... – вздохнула Ирина. – Не очень. Звонила ей из Египта тридцать первого, слышу по голосу – едва не ревет. Этот ее Горюнов обещал с ней нынче Новый год встречать, она даже с нами не поехала, хотя отец звал. Готовилась, платье там, всякое-разное... А он позвонил накануне: извини, говорит, не смогу, Новый год – семейный праздник. Ой, не знаю я... Она же еще ребенок совсем. Терпеть и ждать не умеет, ей надо все и сразу, а тянется уж третий год...

– Терпеть и ждать! – передразнила Маргарита, вдруг вспомнив ушедшего «до вечера на работу» Валентина. – Дурацкая бабская наука! И учиться ей не надо. Мы терпим, а им только того и надо, живут в свое удовольствие!

– Да кто терпит-то? – удивилась ее раздражению Ирина. – Нелин муж тише воды, ниже травы. Твой Володя у тебя с ладони ест, пылинки сдувает. Валя... Да бывает и хуже, мелочи все это. Юлкин мужик, по большому счету, прав: для него семья главнее, а если дурочка согласилась быть любовницей – сама виновата. Любит она его, видите ли. Может, поймет...

– А если ей ребенка родить? – предположила Маргарита. – Мужик что надо, породистый, дети красивые будут. И при деньгах. Он тогда от жены уйдет.

– Да боже упаси! – открестилась Ирина. – Зачем он ей нужен, сама подумай? Ей девятнадцать, ему сорок, там двое детей... Тоже, наверное, красивые. Да он и не уйдет, так ему плохо, что ли. А все заново начинать? Нет. Да ну их, кобелей, совсем совесть потеряли! Вот, смотри, я тут успела пролистать, пока тебя ждала...

Ирина вытянула из пачки газет, скопившихся за две недели, ту, где на обложке красовались знаменитый продюсер и актриса из тянувшегося весь год сериала. Она хохотала, старательно показывая безупречные зубки, он был несколько смущен, но очень доволен собой. Журналистов они старательно не замечали, изображая одиночество вдвоем, но профессионально выбирали наиболее эффектный фон и ракурс.

– Вот, смотри, совсем обалдели, – без особого, впрочем, возмущения говорила Ирина. – «Главный скандал года – развод Анастасии Попрыгунюк и ее тайный роман с Сергеем Бодуновым – завершился удивительной и красивой рождественской историей, случайными свидетелями которой стали мы, журналисты...»

– Случайными, как же! – фыркнула Маргарита.

– Нет, слушай, слушай: «Да, я выбираю Насте непростое кольцо, вы верно догадались, – засмутился актер. – Мне пока неудобно сейчас делать громкие заявления, потому что я еще официально не разведен. К сожалению, такой у нас суд. Думал, разведут быстро, но, как назло, судья заболела. И в этом году не успеем. Поэтому ждем». Ждут они так, пред-

ставляешь? А ведь у нее, писали, двое детей маленьких, она их на отца бросила, и этот с женой двадцать лет прожил, почти как мы с Вале́й. Ну как им не стыдно, а? Судьи виноваты, что им невтерпеж! Или это все реклама, как считаешь?

– Погоди-погоди, – заинтересовалась Маргарита, перехватывая газету. – Не разведен еще, говоришь? А колечко-то сколько стоит?

– Четыреста тысяч. А что?

– А то, что жена этого Бодунова спокойно может при разводе потребовать половину стоимости этого колечка, потому как это имущество, нажитое в период брака. Представляешь, такое бы дело раскрутить, вот была бы огласка! Таких ситуаций, между прочим, множество, да только жены при богатых мужиках боятся судиться, как бы все не потерять, за ними же – сила. Вот мы людей отучаем бояться свои права отстаивать, знаешь, как со скрипом идет... А Валентин твой еще бросается на нас.

– Слушай, Ритка, как я тебе завидую! – неожиданно серьезно сказала Ирина.

– С чего это еще?

– Ты вот так своим делом увлечена, у тебя карьера, стажировки по всему миру, ты даже смотришь на все под своим углом...

– Специалист подобен флюсу, – подхватила Маргарита, желая перевести все в шутку.

Но Ирина не шутила:

– Да, у тебя работа. Карьера, поездки всякие, гранты. Азарт. Любовники были, и муж вон второй. И по два раза. А мою работу любить сложно, тем более за такую зарплату. Я ее терплю, раз уж выбрала. Мы оба Валину работу любим, она более осмысленная. Замуж как вышла двадцать лет назад, так ни на кого больше и не посмотрела. Любовь – то ли была, то ли нет, не помню уже, а сейчас – сплошное уважение, взаимопонимание и сотрудничество. Какая-то я недоделанная: к сорока годам ни одного мужика не встретила, чтоб вот так, как у тебя тогда с Володи́ей, глаза загорелись – хочу, и все тут! Какие-то они все... тусклые. У тебя впереди еще столько – и в Кембридж ты съездишь, и машину новую себе купишь, а я на права сдала и сижу с ними, как курица, водить боюсь. Да и Валя против. И что у меня впереди? Старость, пенсия и внуки. Это при условии, что Горюнов великодушно согласится.

Выслушав непоследовательный монолог, Маргарита поняла, что подруга настроена серьезно и высказала то, о чем, должно быть, часто думала про себя. С одной стороны, она была удивлена: Ирина, спокойная и сдержанная, никогда не жаловалась на судьбу, ровно относясь ко всему, что в ее жизни происходило, за исключением, пожалуй, дочкиного «романа». Конечно, и Маргарита, и Неля давали куда больше поводов для обсуждения в их нешироком дамском кругу, но к этому все привыкли. С другой – ничего удивительного: Маргарита всегда подозревала, что таких тихих многолетних

идиллий, как у супругов Литвиненко, на самом деле не бывает, и то, что она узнала за последние дни, лишь подтвердило ее человеконенавистническую гипотезу.

Ирину было очень жаль. Маргарита по своему опыту знала, что нет ничего хуже таких, как у нее, «зависающих» ситуаций, когда все не так плохо, чтобы решаться на кардинальные перемены, и в то же время тоска разбирает – хоть волком вой. Поэтому она молчала, не зная, что сказать, а Ирина, глядя в сторону, старательно разглаживала сгибы газеты, с обложки которой застенчиво улыбался любвеобильный продюсер, вовсе не боящийся крутых перемен.

Звонок в дверь прервал неловкое молчание, Ирина отправилась открывать, а Маргарита решила унести в кухню тарелки, чашки и блюда. Последнее блюдо со скарабеем, только что привезенное из Египта, едва не выпало у нее из рук, когда она услышала голос Литвиненко из коридора – нет, она не испугалась, это было не в ее характере, но меньше всего ей хотелось встречаться с этим напыщенным самовлюбленным болваном, который хочет всех заставить плясать под его дудку, а себе прощает всякие вредные делишки. Ох, был бы ты, Литвиненко, не Иркиным мужем, я бы тебе устроила цирк с доставкой на дом!

– Ириша, у нас гости? – гудел Валентин в прихожей. – А я освободился пораньше, ну ее к черту, эту работу, домой хочется, соскучился в этих египетах...

Заглянул в кухню и замер на пороге. Маргарита насмешливо наблюдала, как меняется выражение его лица: от благодушно-расслабленного – к удивленному, растерянному, злому.

– Вот и хорошо, что пораньше, отпуск есть отпуск, – идя следом за ним, говорила Ирина. – Мы тут с Ритой смеемся: а правда, если муж любовнице кольцо купил за полмиллиона, она может половину себе потребовать? Деньгами или просто так, полкольца? Про Бодунова, помнишь, я тебе говорила... Ты что, Валя?

Маргарита, так и не дождавшись от Литвиненко хотя бы нейтрального «здрасьте», тоже разозлилась – она не позволит обращаться с собой, как с тряпкой. И добавила:

– И если шубу норковую, голубую там или зеленую, то тоже пополам с женой, правда, Валя?

И тут застигнутый врасплох Валентин, который всегда гордился своим умением внешне не проявлять эмоций, совершил роковую ошибку – он сорвался.

– Какую шубу, что ты несешь?! – заорал он.

Увидел, как у жены и ее подруги изумленно расширились глаза – его реакция и в самом деле была неадекватной, ведь можно было все принять за шутку, не понять и не заметить, но уже не мог остановиться. Литвиненко испугался, а лучший способ защиты, как известно – нападение.

– Я тебе ясно сказал: чтобы ноги твоей не было в нашем доме! Довольно ты меня компрометировала, так теперь я

еще и дело ваше чертово веду, а ты смеешь ко мне домой являться!

– Я не к тебе пришла, – подозрительно спокойно начала Маргарита. – Я пришла к своей подруге. В ее дом. А тебя не было. Ты был на работе. Ты предупредил, что будешь работать до вечера. Еще не вечер, Валя.

– Я раньше освободился, – глядя в ее сузившиеся темно-серые глаза, Валентин понял, что сказал это зря, но было уже поздно.

– А что, сегодня в «Голливуде» Наташина смена? Бедняжка, она и перед Новым годом все дни работала, и сейчас отдохнуть не дают. Не повезло, да?

– Какая Наташа? Твоя парикмахерша, что ли? – улыбаясь, переспросила Ирина, обманутая спокойным тоном подруги, лица которой не видела, потому что смотрела на мужа. И уже по его вытянувшейся физиономии немедленно и бесповоротно поняла, о чем идет речь.

И тогда обычно расчетливый и хладнокровный Литвиненко сделал еще одну роковую ошибку – он сбежал. А что ему оставалось делать в присутствии этой стервы, которая откуда-то знает про его Наташу и ни перед чем не остановится (это он тоже понял по ее глазам)? Правда, уходя, он сильно хлопнул дверью и довольно громко – чтоб слышали с гарантией – назвал Марго «чокнутой дурой», но это были, он и сам понимал, полумеры.

Когда дверь захлопнулась, Маргарита осознала, что вя-

залась в объявленную ей войну, соразмеряя силы свои и противника, но позабыв в азарте о тылах, обозах и о том, что среди мирного населения могут быть жертвы. Рита повернулась к Ирине – и, к своему великому изумлению, не увидела в ее глазах ни слез, ни вопроса. Ирина все поняла. Наверное, она догадывалась и раньше, а тут парикмахерша Наташа, ее голубая шуба, над которой они так смеялись, и тюменские командировки преданного супруга сложились в общую четкую картину.

Поэтому то, что была вынуждена ей объяснить Маргарита, не стало для Ирины открытием. Или почти не стало.

– Ириша, ты прости меня, а? Ну, дура я, не удержалась, – каялась Маргарита. – Я же не думала, что он так... отреагирует. Виновата я. Поклялась себе молчать и ляпнула. Слушай, ну вы же помиритесь еще. Он вернется и прощения просить будет, ты же правильно говорила, что неохота им на пятом десятке все заново начинать... – Маргарита говорила эту чушь, чтобы не молчать, и ненавидела себя. Она видела, что Ирина ее не слушает, что в ней началась какая-то внутренняя работа, которая еще неизвестно к чему приведет. – Ир, мне уйти, да? Скажи, я уйду. А если надо – останусь. Ну не молчи, а?

– Рита, ты не виновата, – голос Ирины звучал обманчиво-спокойно. – И я догадывалась. Только никак не могла решить, хочу ли я обо всем знать доподлинно. Вот вы за меня и решили. Ты иди. Со мной будет все в порядке. Мне поду-

мать надо.

Но когда Маргарита ушла, Ирина не стала думать ни минуты. Если она будет думать – начнет жалеть себя и плакать и ничего не сможет решить и сделать. Последние годы она жила в тихом болотце, маясь от скуки и не решаясь что-нибудь изменить, дабы не нарушить привычного порядка вещей. Сегодня в это болото прилетел увесистый камень, брошенный недрогнувшей рукой лучшей подруги Маргариты, которая, конечно же, желала только добра. Теперь только от нее самой зависит, затянется ли опять это болотце ряской и все станет как прежде или...

Чтобы избавиться от звенящей тишины, Ирина включила магнитолу, ткнув первый попавшийся диск (под рукой были только любимые), и знакомый голос дурашливо сообщил под простенькие гитарные переборы:

А я не гордый, я просто занят,
я спецзаказом к земле прижат,
и слоем пыли на чемоданах
мои намерения лежат...

«Надо же, и у них чемоданы», – удивилась совпадению Ирина. Двигаясь в такт музыке, она перевернула вверх дном чемодан, привезенный из Египта, вывалила его содержимое на коврик посреди прихожей и принялась укладывать в него вещи из мужниного шкафа. Отглаженные рубашки и костюмы, поколебавшись секунду, складывать не стала, решила,

что положит их вместе с плечиками сверху. Когда чемодан наполнился до отказа, а в шкафу появились бреши, она осталась. Подошла к окну, удивилась, что, оказывается, уже совсем стемнело. Постояла, глядя, как пляшут снежинки в синем круге света фонаря на столбе. «До свиданья, дорогие, вам ни пуха, ни пера, пусть вам встретятся другие, лишь попутные ветра», – кажется, уже по второму или по третьему кругу играл диск, многозначительно совпадая с ее мыслями – так всегда бывало. Сколько она так стояла, пять минут или пять часов, Ирина потом не могла вспомнить, но, увидев, как у подъезда мягко притормозила знакомая машина, встрепенулась, схватила чемодан, волоком вытащила его за дверь, в общий с соседями «предбанник», сверху аккуратно пристроила рубашки, потом метнулась в спальню и там замерла в дальнем углу, боясь услышать звонок, щелканье дверного замка, голос...

Проболтавшись битых два часа по пустому городу (народ еще полмесяца от праздников отходить будет), Валентин решил вернуться домой и объясниться с женой. Они взрослые люди, негоже им ссориться, как подросткам. Да, он, безусловно, виноват, но это не повод разрушать... Теперь он однозначно решил, что выбирает семью, что там все кончено и что он никогда не обещал Наташе... Нет, про Наташу нельзя. В общем, на месте разберется. Жена всегда подчинялась его решениям, за ним оставалось последнее слово, и она наверняка уже успокоилась и готова поговорить. Литвиненко

повеселел и, притормозив возле цветочного киоска, купил Иринины любимые пушистые желтые хризантемы.

Но, увидев чемодан, выставленный за дверь, разозлился. Устраивать ему скандалы? Вышвыривать его, как щенка, из собственного дома, не дав сказать ни слова? Наверняка эта сучка Марго постаралась, расписала все в красках! И откуда только узнала?! Он же давал Наташе четкие инструкции: ни его должности, ни фамилии никогда не упоминать в бабских беседах, раз уж совсем молчать о таких делах они не могут, – и был уверен, что Наташа следует его указаниям. Следила она за ним, что ли? С этой чокнутой бабы станется. А если она все еще там, с Ириной, то и разговора никакого не получится.

Постояв перед дверью и накрутив себя до предела, Валентин услышал, как поворачивается ключ в двери соседней квартиры. Соседка Евстолия Васильевна всегда отличалась неумным любопытством, но меньше всего ему хотелось объясняться с этой старой шваброй. И судья Литвиненко еще раз принял неверное решение – видимо, это был не его день. Вместо того, чтобы биться головой об дверь, привлекая сочувственное внимание той же Евстолии, каяться, целовать жене руки, бормотать чепуху и умолять о прощении (и, возможно, посредством этих проверенных способов вернуть хоть что-то), он схватил в охапку рубашки, подхватил чемодан и сбежал вниз, не дождавшись лифта. Она желает, чтобы он отправился к любовнице, – пожалуйста! Там

его всегда ждут и будут рады. Ничего, еще посмотрим, кто первый прибежит просить о примирении!

На самом деле Литвиненко изрядно струсил. Не поднаторевший в семейных скандалах, которые жена ему никогда не устраивала, в такой ситуации он оказался впервые. Маячившие перемены его, естественно, не радовали, как не радовала и перспектива появиться у Наташиных дверей с чемоданом – ничего пошлее не придумаешь! Но не идти же в гостиницу, в самом деле, с этими проклятыми рубашками на плечиках, заботливо отглаженными женой. К тому же денег после отпуска, как назло, было в обрез – не до отелей. И он отправился через весь город на Химмаш, а чтобы заглушить поднимающееся чувство тревоги, старательно воображал картинки: вот плачущая Ирина стоит у окна, высматривая его машину, поминутно оглядывается на телефон, ожидая его звонка, и наконец, не выдержав, сама набирает номер его мобильного...

Но мобильник Валентина Рудольфовича молчал, как хозяин ни гипнотизировал его взглядом. Ирина не плакала. Когда она услышала шум отъезжающей машины, она выбралась из своего угла, постояла возле кровати, потом ушла в гостиную и легла на диван, с головой укрывшись пледом. Через пару минут в дверь не то постучали, не то поскреблись. Ирина на цыпочках прокралась в коридор и в панике посмотрела в дверной глазок. Неужели Валентин все-таки вернулся?! Но перед дверью маячила соседка. Ирина открывать не стала,

вернулась на диван, опять повернулась носом к стенке, чтобы ничего не видеть. Но, полежав, вдруг снова вскочила и, усевшись на ковер перед елкой, принялась не спеша снимать игрушки, гирлянду, дождик. Аккуратно сложив все в коробки, разобрала пластмассовую елку на лапы и ствол, обернула их отстиранной тряпкой и обмотала скотчем, делая все так старательно, как будто завтра у нее могли потребовать отчета о проделанной работе. Покончив с праздничными атрибутами, улеглась обратно на диван и мгновенно провалилась в сон.

Часть вторая

Год без вранья

– ...потому что он у них скип! – объясняла Маргарита, наклоняясь к Ирине. – Это тебе не поросячий хвостик!

– Какой скип? – не поняла Ирина, дыша на озябшие руки. Знала ведь, что в этот, как его, кёрлинг играют на льду. И хватило же ума заявиться в тонкой курточке! На улице уже припекало обманчивое мартовское солнце, и одеваться хотелось по-весеннему.

– Скип – это капитан на их жаргоне. Он у них скипидарит, – ехидно пояснила Маргарита. – Что ты смеешься? Это все на полном серьезе, он мне словарь приносил. Еще есть вице-скипы, гарды, антислайдеры – это не люди, это галоши такие, еще тэп-бэк, фриз и свиппинг. Это я не знаю что, не запомнила. Тебе смешно...

– А хвостик при чем поросячий? – Ирина старательно вникала в тонкости новомодной забавы.

– Хвостик – потому что я злюсь!

– Это я поняла, – кивнула Ирина, оторвавшись от происходившего на ледовой арене, и посмотрела на подругу внимательно. – А чего злишься-то?

– Так это он у них скип. А дома – поросячий хвостик и скипидарить не желает, – отрезала Рита.

– И кто недавно хвастался, что у нее мужик – ух? Я прямо уши развесила, – поддела Ирина.

– А я и не отказываюсь. В постели – да. Если бы можно было из нее вообще не вылезать, я была бы владельцем чемпиона в своей породе, – злилась Маргарита. – Вот прямо на кровати и ездила бы на работу, как Емеля на печи. А так – дело, знаешь, нехитрое.

И замолчала, уставившись на игроков. Команда кёрлеров из Воронежа проигрывала с прискорбным счетом, поэтому скип екатеринбуржцев, атлетически сложенный молодой мужчина с надписью «Bulikov – Russia» на теплом зеленом жилете выглядел вполне довольным собой и своей командой и был, что называется, в ударе. Обе женщины невольно залюбовались тем, как красиво, с небрежной уверенностью в каждом движении он направляет отшлифованные гранитные камни в круг-«дом», как четко и безошибочно они приходят на место, выталкивая камни соперников. Ирина думала, что этот сильный, стремительный и даже грациозный Bulikov совершенно не похож на знакомого ей ленивого увальня Буликова, по словам Маргариты, по-стариковски дремлющего на самых интересных встречах и судебных заседаниях. Кажется, Маргарите в голову пришла та же самая мысль: она демонстративно отвернулась от игроков, напустила на себя скучающий вид и занялась своим сотовым телефоном.

Когда игра закончилась, Буликов подошел к скипу проиг-

равшей команды гостей, произнес что-то традиционно-утешительное и вознамерился пожать руку, но воронежский скип позорно разрыдался от досады. Поскольку скип был девушкой, к тому же довольно симпатичной, Буликов какое-то время растерянно ходил кругами, смешно поскальзываясь и взмахивая руками, а потом и вовсе ретировался, предоставив команде утешать свою незадачливую капитаншу.

– Ну что, девочки, как? – сияя, как начищенный самовар, подошел он к Ирине и Маргарите.

– Супер... – пробормотала Марго, не отрываясь от телефона.

– Мне понравилось! Так интересно все, и ты здорово играл, – искренне сказала Ирина. – Ты один и играл, команда у тебя... пока не очень. Только и умеют швабрами.

– Не швабрами, а щетками! – поправил ее польщенный Буликов.

– А зачем? Лед ведь и так гладкий? – заинтересовалась Ирина.

– Лед в кёрлинге натирают не потому, что на нем образовалась какая-то пыль или наледь, а для того, чтобы на поверхности льда создать тонкий слой воды, по которому будет скользить камень, – охотно пустился в пояснения Буликов. – Таким образом можно не только существенно увеличивать путь камня, но и менять траекторию его движения. И потом...

– Володя, это никому не интересно, – перебила его жена. –

Поехали домой, Ирину отвезем, и у нас еще дела есть. У тебя процесс завтра, ты хоть в курсе? И потом, мы замерзли, это вам там на льду тепло скакать, а мы тут сидим, чуть от скуки не умерли.

– Рита, ну чего ты зря говоришь, – укоризненно начала Ирина, увидев, как счастливая улыбка победителя сползла с лица бравого скипа, но Марго толкнула ее локтем в бок, и Ирина замолчала, оставив при себе свое удивление.

– Ритуля, я не могу, ты же знаешь, – залепетал супруг, как-то сразу ссутулившись и заметно уменьшившись в размерах.

Ирина с недоумением наблюдала за разительными переменами в облике отважного капитана, героя камней и швабр, пардон, щеток: он сдувался на глазах и покрывался морщинами, как проколотый воздушный шарик.

– Ничего я не знаю! – вздернула брови Марго.

– Я же тебе объяснял, Ритуля: команда победителей приглашает проигравших в бар. Всегда так делается... – В голосе Буликова звучало все меньше уверенности, как у малыша, который препирается с мамой, не желая возвращаться домой со двора и прекрасно зная, что обречен подчиниться.

– Еще чего не хватало! – возмутилась Маргарита. – Я же тебе понятно сказала – у тебя в понедельник процесс. К нему надо го-то-вить-ся! А ты придешь непонятно когда и непонятно какой. Да тут и бара-то никакого нет, тут, к твоему сведению, детская школа фигурного катания.

– А мы хотим в «Градару»... – совсем скиснув, сообщил

скип Буликов.

– Чего-о? Дороговато тебе встанет всю эту... – Марго замялась, подбирая слово пообиднее, но, так ни на чем и не остановившись, ограничилась многоточием, – в «Града-ре»-то поить. Губа не дура! Давай, извинись перед ними – и поехали!

– Рита, я...

Буликов замолчал, и Ирина поняла, что малыш, покапризничав, уже готов забрать игрушки из песочницы и подчиниться справедливому требованию старшего. Но тут пришла помощь.

– Володя, ты идешь? – закричали его коллеги в зеленых жилетах, уже давно собравшиеся кучкой и маявшие в отдалении. Возле них понуро толпились кёрлеры из Воронежа во главе с капитаншей, все еще утиравшей нос платочком. Они были в бело-желтых жилетах, и вся композиция в целом напоминала луг, усеянный ромашками. Ирина засмотрелась и пропустила важный момент – с почти уже сломленным Буликовым что-то произошло. На всякий случай отойдя от жены подальше, он сообщил, глядя в сторону:

– Рит, я все-таки пойду, полагается так...

– Ах, полагается?! – взвилась Маргарита. – Катись, кёрлер хренов! Смотри, мимо дома своей шайбой не промахнись!

– Рита, ну ты что...

– Бу-ли-ков!!! Во-ло-дя!!! – хором заорали озябшие и проголодавшиеся кёрлеры, сохраняя, однако, взятую дистан-

цию. Похоже, они тоже опасались строгой жены своего ски-па.

Буликов дернулся в их сторону.

– Ключи дай! – остановила его Рита.

– От машины?

– А ты от чего думал?

Буликов явно думал, что строгая супруга, привыкшая к железной дисциплине, потребует ключи от квартиры, и начиная с сегодняшнего дня ему, Буликову, в качестве расплаты за верность принципам кёрлинга предстоят долгие скитания по чужим углам (потому что своего угла у него отродясь не было). Он заискивающе улыбнулся, поспешно вытащил ключи и протянул жене совершенно детским жестом – на растопыренной ладошке. Марго двумя пальцами взяла ключи, не удостоив бунтаря взглядом, подхватила под руку Ирину и направилась к выходу.

Машину с места она рванула так, что Ирина откинулась на спинку кресла. Какое-то время ехали молча, потом Рита, покосившись на Ирину, спросила:

– Ну что?

– Зря ты так, Ритка. Чего ты мужика достаешь? Не пьет, не курит. Не гуляет. Спортом вон занимается. Положено им в бар идти – пусть идут.

– Я его достаю?! Это он меня достает! В «Градару» они пошли! Восемь человек! Пеньки вологодские!

– Воронежские, – поправила ее Ирина.

– Да без разницы! У него своих денег – на пакет кефира в «Кировском».

– Почему? – удивилась Ирина. – Вы же вместе работаете.

– Работаю я! – отрезала Марго. – Он так, Петрушка. Ни одной своей мысли в голове, все ему по барабану, копает, как в армии: отсюда и до обеда, а зачем, почему – ему дела нет. А с тех пор, как этим идиотским кёрлингом увлекся, совсем с катушек съехал. Говорю же, завтра процесс. А у него, видите ли, дела поважнее – шайбу шваброй гонять.

– Камень щеткой, – опять поправила Ирина. – И не щеткой, а руками. И не гонять, а пускать.

Марго посмотрела на нее с подозрением. Ирина изобразила, как именно следует «пускать», важно надув щеки – и обе расхохотались.

У Риты выдался редкий свободный вечер, когда она никуда не спешила. Поэтому ее осенила идея, которая тут же была признана гениальной, – напиться и остаться у Ирины ночевать. Элемент мести непокорному Буликову придавал проекту дополнительный смысл. К реализации приступили немедленно: напиваться решили красным вином с сыром, черносливом и изюмом – этой кулинарной находкой Ирина обогатилась во время новогодней поездки в Египет. Когда первая бутылка «Давида кьянти» (шестьсот с лишним рублей за бутылку, но платила Марго) подошла к концу, дамы, похваливая себя за предусмотрительность, достали из запасников вторую и перебрались из гостиной в спальню, где мож-

но было окончательно принять горизонтальное положение и предаться легкой беседе.

– А у нас в Египте кровать была трехспальная, – глубокомысленно заявила Ирина, рассматривая обнаженного античного красавца на этикетке бутылки, которую только что водрузила на столик. – Четыре подушки. И мы на ней всего один раз за десять дней. Это было в январе. Если бы я знала, что это было в последний раз в моей жизни, я отнеслась бы к этому серьезнее.

– Это как? – заинтересовалась Маргарита.

– Ну, два раза. Или три. Вот мы тут поперек лежим, а там кровать в два раза больше нашей.

– Это неправильно, раз трехспальная, значит, не в два раза, а на одну треть. – Марго, как юрист, любила точность в формулировках. – И ничего не бывает в последний раз. Тем более в нашем возрасте.

– Не-ет! – открестилась Ирина. – Я больше никогда ни с кем не смогу. Они все...

– Козлы? – услужливо подсказала Рита. – Книжка такая есть, даже две – «Все бабы – дуры» и «Все мужики – козлы». А на обложке написано, что автор... сейчас вспомню... А! Мастер тонкой лирической прозы.

– Нет, не козлы, почему? Чужие, вот и все. Валя свой был – и то чужой. А эти совсем чужие, я с ними не смогу. – Ирина выставила руки в протестующем жесте, как будто кто-то из этих «чужих» уже вознамерился юркнуть к ней в кровать.

– Пить надо меньше, – посоветовала Марго. – Не будешь чепуху молоть. С родственниками никто и не спит. Все спят с чужими.

– Нет! Я не хочу! – категорически отказалась Ирина.

– Не хочешь – не надо, – покладисто согласилась Рита. – Это дело добровольное.

– Слушай, Ритуль, а чего ты, правда, наезжаешь на мужика-то своего? Вроде живете так хорошо, сама же говорила.

– Я тебе еще и про докторантуру говорила в Кембриджском университете, помнишь? Все оплачивает принимающая сторона – один фонд правозащитный: дорогу, проживание, обучение, стипендию дают. Я им сегодня утром отправила вежливый отказ: спасибо-извините, дела не отпускают, а мой вице-президент нездоров и заменить меня в период столь долгого отсутствия не может. Другими словами, sorry, господа, муж у меня дурак, диплом я ему купила, но от этого никому не полегчало. И теперь вместо того, чтобы год спокойно жить в красивом городке Кембридже на халяву и докторскую спокойно писать, я буду торчать здесь, волочить на себе весь воз и спать с этим сексуально активным идиотом. Вот тут у меня и закралась в голову крамольная мысль: найти себе умного мужика и спать с ним. Как думаешь, умные это тоже умеют?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.